

«Живите каждый день с Богом, и Он проведет нас сквозь бури жизни в покой и со спокойным сердцем. Все Им, все от Него и все к Нему ... Жизнь человеческая идет в потоке промысла Божия, и дивное попечение имеет Творец о создании Своем ... Да будет благословен Господь всеблаготворитель и премилосердный! О, сколь дивно снисхождение Божие к человеку! Сколь дивна Его благодать и любовь к нему ... Ничто не должно обладать нами. А сейчас вещи начинают обладать душами людей. Вот на какую мишуру улавливает души враг рода человеческого». Старец (архимандрит) Иоанн (Крестьянкин).

«... Скажи мне, Господи, путь, воньже пойду, яко к Тебе, взях душу мою»
(Пс. 142, 8)

Начало июля, жаркого, перемежающегося ливнями с грозами. «Июль — макушка лета», — говорят в народе, а дожди и грозы — только благо: освежают землю, наполняя озоном, что так необходимо в огромном мегаполисе, в этих каменных джунглях с высотными домами-термитниками, задыхающихся от зноя, раскаленного асфальта, камня и бетона, от многолюдья и избытка машин. В южных районах Центральной России липа уже отцветает, а здесь, на северо-западе Московской области, в местах заболоченных, более прохладных, она благоухает во всей своей красе и силе и даже еще в бутонах. Могучие вековые липы, кои созерцали еще, наверное, русские цари и дворяне, бывавшие в этих местах и оставившие после себя чудесные храмы,

строения и парки, сохранившиеся до сего времени, сплошь покрыты гроздьями пахучих нежных соцветий, источающих тонкий медовый аромат, так привлекающих пчел и разных прочих насекомых, собирающих нектар. Но вот только на современных этих, благоухающих во всей красе своего цветения липах, нет ни одной пчелы, ни шмелей, ни букашек.

...В приоткрытое окно нежным бесконечным потоком льется этот дивный липовый аромат, как было это и сто, и двести лет назад на русской земле. В полуночном свете уличного фонаря, струящемся через легкие голубые капроновые шторы, в напоенной липовым ароматом квартире, на втором этаже обычной «хрущевки» постройки 60-х годов, сидит на нижнем ярусе широкой двухъярусной деревянной кровати молодая хорошенькая женщина с короткой стрижкой русых волос, с крохотным ребеночком на руках, которого, расстегнув на себе белую льняную мужскую рубашку, она кормит грудью. Елена, — так зовут маму новорожденной девочки Маши, шестой по счету в этой семье, появившейся на свет всего-то три недели назад, — встала не только покормить малышку, но и от того, что ей уж третий день нездоровится. В народе ведь считается, что женщина после родов сорок дней «сырая», то есть слабая, подверженная всякой напасти, и ей не следует ни в холодной воде возиться, ни у плиты стоять, ни тем более лезть в холодную проточную воду. Но Елене надеяться не на кого. Муж с раннего утра и до позднего вечера на работе, к тому же с целью профилактического ремонта отключили горячую воду, вот ей и приходится и в холодной воде возиться, и у плиты то и дело стоять, для детей готовить. Летние каникулы, а потому старшие трое детей целый день дома, а не в школе. Только двух младших по утрам отводят в садик, да и то она их кормит завтраками и ужинами — так уж повелось у них: завтракать и ужинать всем вместе, дома. Жалея сидящих дома детей (прогулки с мамой во дворе — не в счет), поскольку из-за родов никуда этим летом не выехали на отдых, ни в деревню к бабушке с бабушкой, ни к морю, она решила сводить их к реке Истре, покататься. Да и сама там посидела на земле, подбросив под себя только тент от детской коляски, побродила у бережка. Вот и простыла, ломает всю: то морозит, то в жар бросает, насморк, горло болит. Кормящей матери никаких лекарств принимать нельзя, потому Елена только усиленно молится, вставая и по ночам, прося Господа, Богородицу, святых об исцелении; натирает виски и переносицу святым

маслицем и маслом из постоянно горящей над иконами, в углу квартиры, лампадки.

«Ангел Божий, хранитель мой! Твоему попечению вверила меня благость Всевышнего, прости и вразуми меня, храни меня на пути жизни, руководи и управляй мною», — шепчет, заканчивая молитву, Елена.

Она осторожно положила на кровать, рядом со своей подушкой, заснувшую малышку, обошла спящих детей, крестя их и любовно поправляя разметавшиеся по подушкам волосы, свесившиеся ножки и ручки, подтыкая одеяла. На верхнем ярусе кровати посапывала курносенькая, светловолосая, голубоглазая и верткая, как мальчишка, восьмилетняя Анютка. Рядом с ней вольготно растянулся дымчатый кот Блюша, которого котенком, из жалости, они подобрали на улице. У окна, на широком раскидном диване спят два мальчика-погодка, шести и пяти лет, Дима и Вадим. Старшие, двенадцатилетняя Елена и десятилетняя Верочка спят в другой комнате. Мать бесшумно вошла к дочкам, сняла огарок с фитиля теплившейся лампадки, поправила одеяла у девочек и, встав перед иконами, стала молиться. Главная ее молитва была, конечно же, за детей. Не зря ведь говорится, что материнская молитва даже из ада выводит и на краю гибели спасает. В силу материнской молитвы Елена верила свято, а потому из ее уст текла она неустанно, полная любви, заботы и терпения.

Среди многочисленных икон, стоящих в шкафах и висящих на стенах, почти половина были созданы руками Елены. Она еще девочкой-подростком ходила заниматься в иконописную мастерскую, существовавшую при храме Всех Святых, который посещала. Став старше, здесь же обучилась золотошвейному мастерству, беря уроки у опытной мастерицы-золотошвейки из Софрино, специально приехавшей давать такие уроки. И за периоды своих беременностей к каждым очередным родам Елена вышивала по иконе. И так получалось, что, даже еще не сделав УЗИ и не зная пол будущего ребенка, она начинала вышивать тот или иной святой лик — Иисуса Христа, Богородицы, Серафима Саровского или Матронушки. И так совпадало, видно в том сказывался Божий промысел, что когда она вышивала икону с мужским ликом, рождался мальчик, когда с женским — девочка. Вот и растут в семье четыре девочки и два мальчика, которых она подолгу выкармливала грудью. Некоторые свои иконы Елена раздарила знакомым священникам, в храмы, да близким родным. Была у нее однажды, еще в де-

вечестве, и выставка ее работ в краеведческом музее. Один из посетителей тогда удивленно сказал:

— Думал, автор работ — пожилая женщина, а это — юная, симпатичная девушка — поразительно! Елене тогда всего лишь восемнадцать стукнуло.

А вскоре она вышла замуж и очень хотела детей, но муж, имея сына от первого брака, пережив тяготы развода и запреты бывшей жены встречаться с сыном, не спешил обзаводиться детьми, хотя у них и была своя двухкомнатная «хрущевка», в которой они своими руками сделали хороший ремонт. «Что нищету-то плодить,— резонно замечал он,— вот встанем на ноги, тогда и подумаем о детях». Он тогда писал, затем успешно защитил в столице кандидатскую диссертацию и параллельно осваивал новое свое ремесло — компьютерный дизайн, в котором впоследствии весьма преуспел и устроился на высокооплачиваемую работу в солидную московскую фирму. А Елена, работая в газете после окончания филфака, тосковала по ребенку, и потому в двадцать с хвостиком своих взрослых лет кукла, для которой она шила-вышивала, была ее игрушкой, заменяя ей дитя. Муж охотно поддерживал это ее увлечение. Вместе они даже поздравительные нежные открытки писали этой кукле, наряжали ее. Муж разработал и дизайн одежды для их игрушечного ребенка, но настоящего все же не желал заводить.

— А чего тебе ждать, когда он сам решится на такой шаг, возьми да и роди ему; никуда не денется, полюбит собственное дитя и будет его холить, лелеять и воспитывать. Они, в большинстве своем, все такие мужчины: не очень-то спешат обзаводиться детьми, но потом их любят без памяти,— советовали ей умудренные жизненным опытом родственницы, в том числе и весьма образованные ее свекровь и мать.

— Но я не хочу «ворованного» ребенка! Хочу, чтобы он был желанным для родителей, с трепетом ожидаемым и еще до рождения очень ими любимым, а не так, чтобы его папа искоса недружелюбно поглядывал на округляющийся мамин животик.

В своих молитвах тогда Елена просила Бога только об одном: помочь ей стать матерью:

— Господи, Всемогущий, дай мне детей. Сколько бы ты их ни послал, ни от одного не избавлюсь в утробе своей, всем дам жизнь. Пошли мне всех тех детей, которых ты посылал на землю, но которые не появились на свет из-за абортот или выкидышей; всех приму, выно-

шу, рожу и укажу им путь к Тебе. Всех воспитаю с Твоим именем на устах и во славу Твою...

И Господь услышал: послал ей много детей, но уже с другим мужем. От первого она ушла именно потому, что он и не помышлял о детях, всецело отдаваясь работе, своему становлению, конца-края которому не было видно. Как потом, после ухода Лены, ни убивался бывший муж, почернев и похудев от переживаний, потеряв любимую жену, как ни убеждал ее в своей готовности обзавестись детьми, было уже слишком поздно. Она уже не видела будущего с ним. В ее отношении к нему что-то навсегда сломалось, умерло в душе от долгих ожиданий этого, пришедшего, наконец, но с таким опозданием, решения иметь детей. Его слова и мольба вернуться к нему шелестели для нее, как сухие листья, ничего не пробуждая в сердце, кроме сожаления о потерянном времени в пустом ожидании. «Нашему первенцу могло бы быть уже четыре года и, возможно, у нас уже было бы двое детей»,— думала она, слушая его. В ней сильно и яростно говорил материнский инстинкт, настойчиво требующий реализоваться, видимо, берущий начало от ее сибирских корней: гены — вещь великая, от них никуда не уйдешь, живи ты хоть в глухой тайге, хоть в многомиллионной Москве или за границей. По материнской линии, у ее прабабушки — сибирячки, отданной замуж в шестнадцать лет, было четырнадцать детей, из которых семеро умерло во младенчестве от скарлатины и дифтерии, а четверо сыновей из семи выживших взрослых детей погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Старшему из них было тридцать пять, а младшему, сержанту-артиллеристу, командиру орудия, павшему в сорок третьем на Курской дуге, награжденному медалью «За Отвагу»; за отвагу, проявленную в жесточайших битвах за город Воронеж летом сорок первого,— всего двадцать лет. В общей сложности у них осталось десять детей, которых старики помогали воспитывать, поскольку их снохи так и остались солдатскими вдовами: не выходили второй раз замуж. У павшего старшего сына было шестеро ребятишек, мал мала меньше. Да и те братья Елениной матери, которые в годы войны были несовершеннолетними и не попали на фронт, потом тоже имели многодетные семьи, да и сама Елена выросла, хотя и в большом городе, но в многодетной семье, где из четверых детей она была старшей, а потому с раннего возраста помогала по хозяйству матери, вечно занятой на ответственной работе, и возилась с младшими: забирала их из детсада, готовила, кормила, гуляла с ними. Порой, забываясь, они ее называли мамой, что в

детстве Ленокче очень не нравилось, поскольку другие дети во дворе смеялись над ней: «Ой, мамочкой в одиннадцать лет стала! Ха-ха-ха!»

— Мама,— просила Лена свою молодую мать,— скажи младшим, чтобы они меня не называли мамой.

Но как ей потом, когда она стала взрослой, хотелось, чтобы к ней тянулись бы детские ручонки со словами: «Мама, мама»! В конце концов, она обрела свое материнское счастье со вторым мужем, с которым свела ее судьба по работе. Один за одним стали появляться у них дети. Молодые супруги как бы договорились негласно — ни от одной беременности не избавляться: сколько Бог пошлет детей, столько и будет. И ни разу не засомневались в этом своем решении, хотя пришлось пережить и немалые материальные трудности, особенно когда муж получал в престижном московском вузе второе высшее, платное, конечно, образование. Порой, случалось, хлеба-молока не на что было купить, но Елена верила, что Господь и Пресвятая Богородица не оставят ее с детьми, ведь она знала, что каждому дается Всевышним по силам его. И если Господь посылает трудности, то это Он испытывает их на прочность, в том числе и на верность тому слову, которое дала она Ему, прося послать ей детей и обещая, что всем даст жизнь, всем укажет путь к Нему. Елена молилась, прося у Всевышнего дать ей силы, терпения и смирения, веря, что все, что Им дается — к лучшему и надо уповать только на Бога без жалоб, слез и отчаяния. Была ревностной прихожанкой, приобщавшей своих детей к православию с первых месяцев их жизни, воцерковляя их, регулярно причащая, уча тех, кто становился постарше, молитвам и тому, как правильно надо молиться, а с семи лет и исповедоваться перед принятием Святого Причастия. Вставая утром с постели и ложась спать, дети вместе с матерью возносили свои молитвы к Богу, крестились, просили родительского благословения на ночь и на последующий день. Росли спокойными, послушными, воспитанными, добрыми и доверчивыми.

В то трудное для их семьи время и приходской храм помогал многодетной семье одеждой, продуктами, а то и деньгами к великим православным праздникам, пусть и небольшими. Настоятель их старинного прекрасного храма в честь Рождества Христова, который еще русские цари посещали, отец Александр, сам многодетный, имеющий шестерых детей, прекрасно понимал эти проблемы, а потому всячески старался поддерживать своих многодетных прихожан, хотя его приход и не был богатым.

Елену не напрягало ничто, что напрямую не касалось ее собствен-

ной души и душ ее детей: ни убогость их съемной квартиры за двадцать пять тысяч рублей в месяц, с проржавевшей, отживающей свое сантехникой, дешевенькими обоями, ни случающаяся нередко нехватка денег, ни отсутствие дорогих предметов быта, потому что у нее было самое дорогое — ее семья, дети, которых им предстояло вывести в жизнь с чистой и светлой душой, ибо бессмертна душа — она от Бога. К Нему и вернется, завершив свой земной путь. А вот какой и с чем она вернется в вечное свое пристанище во многом зависит, понимала Елена, от нее — матери, от того, что она заложит в души своих детей, чему научит, на какую стезю выведет и какой духовно-нравственный ориентир даст на всю их последующую жизнь, даже тогда, когда ее уже не будет с ними. Ведь не зря в Святом Писании говорится, что каждый судим будет по делам его земным («И судим был каждый по делам своим». Откровение, гл. 20, ст. 12-13) Об этом Елена помнила всегда, как и о том, что любовь есть большее в мире и во вселенной, и детям терпеливо это передавала, наполняя дом своей любовью, заботой, долготерпением без криков, нервов, ненужной мелочной суеты и суетливости, во всечасном уповании на милость Божию; благодарностью за все, что Он посылает, даже за те или иные испытания, которые только воспитывают душу и учат ее Божьей правде; способностью и умением ценить все те блага, даже малые, которые Он дает. Верила она и в то, что если Господь одаривает детьми, то Он не оставит Его создания без милости и промыслительности Своей. А посланными испытаниями Он многому учит, на многое открывает глаза, побуждая привычное видеть и ценить по-новому.

Вот испытала семья Елены материальные трудности, нехватку еды и вынесла хороший из того урок — ценить хлеб насущный, благодарить Господа за каждый его кусочек.

...Елена подкатила коляску с новорожденной к подъезду, достала из нее малышку и, прижав к себе, с нею в одной руке и с тяжелой сумкой с продуктами в другой стала подниматься по лестнице на свой, второй, этаж.

— Ой, бедненькая! Как же это ты! — тяжело ведь с такой сумкой-то да с ребенком, дай хоть подмогну, — посочувствовала встретившаяся соседка.

— Спасибо, мне не тяжело, управлюсь, — вежливо ответила Елена, обходя женщину, и подумала о том, что ей действительно — не проблема тащить сумку и ребенка. Ребенок — великая радость. И полная сумка с продуктами — радость: будет чем кормить детей; сообща

накроют хорошим столом, за которым с радостным возбуждением соберется все ее многочисленное семейство. И она, в который раз за день, мысленно поблагодарила Господа и за новорожденную, и за всех своих детей, и за тяжелую сумку с едой.

Каждый день, хотя вроде бы и похож один на другой, приносит что-то новое, неповторимое, особенно когда подрастают малые дети. Вот и крохотная Машенька, всего-то трех недель от роду, уже пытается самостоятельно держать головку. Ей это удастся ненадолго, а потом она клюет своим носиком-кнопочкой, роняя головку на грудь, но, чуть отдохнув, пытается снова и снова поднять ее и держать — столько в этом усердия, жизнестойкости, что и взрослому впору тому поучиться. И Елена, уча уму-разуму своих детей, многому учится у них и сама, вот хотя бы у своей крохи ее мужеству и упорству жить-выживать в этой непростой нашей многоликой и вместе с тем однообразной и суетной повседневности, божественные цвета и краски в которую вносит каждый человек сам, в соответствии со своей верой, миропониманием, морально-нравственными ориентирами и ценностями. Елене жизнь преподнесла главное — бесценные уроки любви, неземной, божественной любви, данной ей Господом через ее детей; терпения и смирения через посланные Им испытания, научив уповать не на себя, немощную, а на всемогущего Всевышнего во всякий день и час своего существования — то главное, на чем держится весь ее мир, весь семейный уклад и что, собственно, и составляет суть всей нашей земной жизни, если мы относим себя к православным людям и готовим душу к жизни вечной.

...Ранний рассвет вместе с липовым ароматом уже во всю льется в открытые окна. Июльские ночи коротки, хотя после 22 июня — летнего равноденствия — день начинает убывать, особенно после петропавловского поста: «Петр и Павел день убавил», — говорят в народе. Елена подошла к окну, глянула на липу в цвету, растущую у балкона: «Странно, — подумала она, — почему на цветущих липах нет ни одной пчелы? Ученые утверждают, если переведутся пчелы, жизнь на земле вообще прекратится: некому будет опылять растения. Вон в Америке электронных жучков изобрели для опыления. Неестественно и даже грустно это все как-то. Не должно так быть. Не так задумывал все Создатель на земле, сделав ее такой прекрасной, с таким великим разнообразием цветов и красок, разных растений, животных и насекомых, но люди все переиначили — а зачем!?!»

Вспомнила она, что такое же чувство испытала в прошлом году у

московском Сиреневом саду. Она там с детьми сидела майским днем на скамейке: смотрели на благоухающую цветущую сирень всех сортов и оттенков, говорили о том, кому какой сорт и цвет нравится больше: голубой — «Галина Уланова» или темно-насыщенный — «Поль Робсон».

— Мама, смотри, какие чудесные маленькие колясочки для детей! С кружавчиками и такие низенькие! — воскликнула Анютка, кивая в сторону двух молодых женщин, действительно катящих перед собой такие милые необычные колясочки. «Должно быть, в них новорожденные малыши», — предположила Аня, и мама с ней согласилась.

— Ах, ты моя ненаглядная девочка, прогуляться захотела? Но иди, иди скорее к своей мамочке, — наклонившись к зашторенной кружевной накидкой коляске, ласково пропела нежным голосом одна из женщин и вынула из коляски... маленькую симпатичную собачку — йоркширского терьера — с розовым бантиком между ушей, в розовом комбинезончике с коротенькой юбочкой и чмокнула ее в носик. — Пробегись здесь по травке, разомни ножки, — и поставила собачку на зеленую шелковистую травку газона.

Дети изумленно переглянулись между собой и посмотрели на маму: какова ее реакция на такое? Елена, которую неприятно поразила эта картина, спокойно и коротко, без осуждающих ноток сказала:

— Лучше бы детей рожали и воспитывали. А, если своих Бог не дал, то детдомовским бы помогали или усыновили ребенка, больше бы пользы было. Нельзя же любить животное больше, чем человеческое дитя.

Дети согласно закивали головами и больше не смотрели с восхищением на собачек, как оказалось, не заслуживающих столь пристального внимания...

— Да ты с ума сошла — пятеро детей! — воскликнула как-то встретившаяся Елене на улице бывшая одноклассница. — У меня одна дочка, и то не знаю, куда бежать: замотала напрочь. Больше мне детей, ни за какие коврижки, не надо — нищету-то плодить! — знакомое выражение неприятно царапнуло слух Елены.

И это говорила молодая женщина, имеющая, как и ее родители, свой прибыльный бизнес: магазины дорогой итальянской женской одежды, рестораны; огромную квартиру в элитном доме, большой загородный дом, няню, домработницу; заграничный отдых и прочая, и прочая.

Елена ее не осуждала: каждый живет согласно своим понятиям об

этой жизни и о духовных ценностях, и никто, кроме Бога, никому не судья. Елена свои ценности давно определила: вон они сопят по кроватям, разметав ручки и ножки. Со стен на нее спокойно и строго смотрят лики святых, в углу теплится лампадка. Мирно. Покойно. С Богом. С детьми. С мужем. Что еще большего для счастья нужно!? Ничего!

Завозилась и подала слабый голосок Машенька. Елена с ласковыми словами наклонилась над малышкой, взяла ее на руки и, снова усевшись на первом ярусе кровати, в полумраке квартиры напоминающей нары, дала ей грудь, вполголоса напевая:

*Спи, малютка, засыпай,
Свои глазки закрывай.
Душа к Боженьке слетает,
Все увидит,
Все узнает.
А потом назад вернется,
Ангелочком обернется,
Чтобы рядышком летать
Мою Машу охранять...*

Эту колыбельную Елена слышала от своей мамы, которая говорила, что ей пела ее мама, переняв от своей мамы, то есть от Елениной прабабушки, той самой, набожной сибирячки, у которой было четырнадцать детей...

...Так и крутится колесо жизни и передает из поколения в поколение традиции, обычаи, сам дух уклада, а главное — православную веру, призывающую бессмертную, ищущую Бога душу не дремать, а совершенствоваться, преобразуясь через единение с Ним, неустанно трудясь в земной сей краткосрочной жизни для жизни вечной. И пока жива эта генная память у русского человека, не важно, где живущего, в деревне или в огромном мегаполисе, будет жить и сама Россия, ибо она испокон веков черпала силы от своего простого народа, от своих корней, укрепившихся в провинции — хранильнице истинного народного духа, неисчерпаемой самобытности и ничем не уничтожимых основ православной веры.

...В предрассветном белесом полумраке обычной столичной «хрущевки» сидит молодая мать с младенцем на руках, как Вечный

символ Мадонны, как миллионы женщин сидели и сидят с младенцами на руках по всей православной России, и качают, и баюкают с великой любовью Великий дар Божий — дитя человеческое. На том и стоим! Тем и держится, и возрождается, и крепнет Русь! Тем и живо все человечество.

На обычном тетрадном листке, прикрепленном Еленой к обоям на стене, из полумрака прояснились слова стиха «Не отрезай пуповину от Бога» неизвестного ей автора:

*Не отрезай пуповину от Бога
Ради томления жалкого «Я».
Что ты найдешь за отцовским порогом?—
Только огромную гору вранья,
Ржавые цепи безумного страха,
Вопли отчаянья и немоту...
Станешь обычною пригоршней праха,
В жизни изведав одну маяту.
Не умирай же в сомненьях жестоких!
Вечной надежде с любовью внемли,
В Духе Святом, как в одном кровотоке,
Радость свою неизбывно продли.
Не отвергай в самомненье спесивом
Вечный поток, что зовут «благодать»,
Чтобы текла бесконечная сила,
Чтобы и ты мог хоть что-то отдать.*

...Возносят свои искренние, от сердца идущие молитвы православные матери во всем мире не только за своих детей, сливаясь тихими голосами с молитвами Афонских и Оптинских старцев, молящихся за весь род людской, берущий начало с извечного дара Божьего — новорожденного младенца, вот с такого, какова сегодня крохотная Машенька, звучно причмокивающая у маминой груди. И эти звуки, и слова материнской молитвы и колыбельной улетают в раскрытые окна, разносятся вместе с липовым ароматом по всей округе, по всему многомиллионному мегаполису, по всей вселенной, чтобы быть кем-то услышанными, воспринятыми и обретенными, как вера, как любовь, как азимут для вечной души к Отцу своему — Богу...